

«Плазма в себе»: между онтологией и эпистемологией

ДМИТРИЙ ВЯТКИН

Независимый исследователь, издатель, Hyle Press. Адрес: 614000, Пермь, ул. Петропавловская, 87–216. E-mail: hylepress@gmail.com.

Ключевые слова: Грэм Харман; Бруно Латура; плазма; объекты; отношения; актуализм; онтологические остатки; эпистемологические остатки.

В статье на материале текстов и дискуссий вокруг Бруно Латура и Грэма Хармана рассматривается связь между проблемой отношений, которых, как выясняется, всегда недостаточно для производства изменений, и проблемой объектов, которые всегда избыточны для их производства. И Латур, и Харман, каждый по-своему, решают эти проблемы, но побочным продуктом решений оказывается выделение особых остатков, которые не могут быть до конца присвоены их теориями и которые — и у первого, и у второго — получают имя плазмы. В фокусе анализа находится прояснение динамики этих онтологических и эпистемологических остатков.

Исходя из указанной динамики, автор отмечает, что объектно-ориентированная философия Хармана, так же как и акторно-сетевая теория Латура, оказывается нечувствительна к реальному распределению объектов и отношений. Подтверждением данному тезису служит появление

в теории объектов Хармана плазмы как эпистемологического остатка, призванного сбалансировать избыточность объектов (тогда как в акторно-сетевой теории Латура плазма выступает в качестве онтологического остатка, балансирующего недостаток отношений). Но подобные балансировки на деле оборачиваются лишь новыми разбалансировками. Проблема, следовательно, в том, что за фасадом «гладко» функционирующих объектных (Харман) и реляционных (Латур) машин скрывается «теневая экономика», обеспечивающая их бесперебойную работу путем незаконной возгонки объектов в отношения, а отношений — в объекты. Нужно поэтому перейти к более прозрачному и справедливому принципу распределения, где наряду с объектами и отношениями учитывались бы такие отношения, которые существенно определенных объектов, и такие объекты, которые существенно определенных отношений.

1. Проблема объектов встречает проблему отношений

ПЛАСТИЧНАЯ основа общества, из которой в социальный мир непрерывно проникает Новое, получает у Бруно Латура имя плазмы. Это понятие могло затеряться в словаре акторно-сетевой теории (АСТ), если бы не Грэм Харман, который обратил на него внимание в своей книге «Государь сетей», что дало повод для ряда дискуссий. Еще в 2008 году, за год до выхода книги, в Лондонской школе экономики, где обсуждалась часть рукописи Хармана, понятие плазмы привлекло внимание участников семинара. После издания «Государя сетей» обсуждение возобновилось, публикация в журнале *Analecta Hermeneutica*¹ и пост в блоге *Circling Squares* вынудили Хармана еще раз высказаться по поводу плазмы и ее трактовки с позиций объектно-ориентированной философии. За этим последовали другие отклики и что-то вроде примиряющего спорящие стороны сообщения в блоге группы «ГИМН» (*Actor-Network Theory — Heidegger Meeting, ANTHEM*).

Формально суть полемики может быть сведена к вопросу: онтологическим или эпистемологическим статусом обладает плазма? Харман и его сторонники утверждают, что плазма у Латура предполагает особую, ни к чему не сводимую, изъятую из отношений сети реальность. Их оппоненты (к которым отчасти можно отнести самого Латура) — что плазма не обладает положительной реальностью и что, скорее, это понятие имеет негативный смысл, подразумевая то, что остается после вычета сети с фиксированным размером из окружающей эту сеть реальности. Если размер сети — за счет вовлечения в нее новых элементов — увеличивает-ся, то граница плазмы отодвигается, и наоборот.

Отчасти этим повторяется различие, которое провел Кант между негативным и положительным смыслами ноумена. В нега-

1. См.: *Foster J. Ontologies Without Metaphysics: Latour, Harman and the Philosophy of Things*// *Analecta Hermeneutica*. 2011. Vol. 3. URL: <http://journals.library.mun.ca/ojs/index.php/analecta/issue/view/33/showToc>.

тивном смысле «вещь в себе» рассматривается в качестве вещи самой по себе, то есть просто вне какого-либо отношения нас к ней: «она не есть объект нашего чувственного созерцания»², тогда как другие виды созерцания нам не свойственны. «Вещь в себе» нужна здесь для установления границ «для-нас» или, несколько упрощая, для построения эпистемологии. В положительном смысле она берется именно в качестве вещи-в-себе, то есть того, что предполагает определенную онтологизацию такого не-отношения, поскольку «под ноуменом мы разумеем *объект* нечувственного созерцания»³. Здесь она нужна как указание на некое «в себе» или для обозначения онтологии.

Отличие позиций (как и подразумеваемых ими ставок), включенных в вышеописанную полемику, от традиционного понимания «вещи в себе» сводится здесь к двум тесно переплетенным моментам. Первый из них — устранение антропоцентризма, согласно которому люди, в отличие от других *сущих* (атомов, микробов, растений, животных и т. д.), имеют привилегированный доступ к миру; этот момент связан с расширением и радикальной модификацией сферы для-нас, с чем успешно справляется АСТ. Сети включают в себя на равных правах как человеческих, так и нечеловеческих акторов: они реальны как природа, разворачиваемы как дискурс и коллективны как общество⁴. Поэтому *для-нас* заменяется *отношением*⁵ внутри сети, которая связывает человеческих/нечеловеческих акторов. Второй момент уже неявно присутствует в сетевой теории, но основной акцент на нем делает объектно-ориентированная философия: кантовский принцип конечности, из которого следует, что доступ к существующему *в-себе* миру полностью опосредован условиями нашей конечности, распространяется на все без исключения единицы сущего. Этот момент связан с расширением и радикальной модификацией сферы в-себе. Любая сущность (*entity*) для любой другой сущности

2. Кант И. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 308.

3. Там же.

4. Латур Б. Нового Времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета, 2006. С. 66.

5. Следует уточнить, что, поскольку соединения между элементами сети всегда проблематичны (они должны проследиваться на фоне более масштабных пустот и разрывов), постольку речь идет не столько об отношениях, сколько о работе по их установлению — трансформации, модификации, переводе. Сеть и есть такая работа — *worknet*, а не *network*, — позволяющая элементам состоять в отношениях.

есть нечто в-себе или «объект», который всегда изъят (*withdraw*) из сферы отношений.

Объекты и отношения тем самым оказываются своего рода истинами «в себе» и «для нас» соответственно, поэтому предметом модифицированной таким образом онтологии являются объекты, эпистемологии — отношения. Латур тогда выступает как теоретик, ориентированный на отношения. Раз последние принадлежат эпистемологическому полюсу «вещи в себе», взятой в модифицированном виде, то, как можно пока предположить, Латур задействует ее негативный смысл и никак не использует положительный, из чего вытекает его точка зрения на плазму. (Самое большее, онтологический полюс в такой перспективе представляется неопределенным и «размытым», поэтому он не может быть дан в виде множества отрезанных друг от друга объектов, но только как некое предындивидуальное бытие, что косвенно подтверждается возможностью онтологического истолкования плазмы.) Напротив, Хармана, поскольку объекты принадлежат онтологическому полюсу «вещи в себе», интересует сфера реальности, отмеченная ее положительным смыслом, откуда следует его точка зрения на плазму. Каждый, таким образом, берет один полюс «вещи в себе» изолированно от другого, суммарным результатом чего является антиномия:

Либо объекты целиком существуют как замкнутые «в себе» монады и их отношения ничего не прибавляют к их сущности, но тогда непонятен способ, посредством которого они вступают в отношения. Эту проблему пытается решить Харман. *Либо* вещь целиком растворяется в сети отношений, и тогда исчезает сам носитель или «субстанция» отношений. Эту проблему пытался решить Латур.

Но два полюса «вещи в себе» — эпистемологический и онтологический — никогда не выступают по отдельности, а потому предполагают движение и переход от одного к другому. Так хрупкое равновесие, установленное в «Критиках» между положительным и негативным смыслами кантовской «вещи в себе», было почти сразу же нарушено. Философия после Канта развивалась путем фиксации той или иной позиции в этих координатах и — по мере раскрытия всех следствий такого шага — дальнейшего движения к другой позиции. Непреодолимая пропасть между бытием и созерцанием у ранних последователей Канта (вплоть до полного исчезновения бытия, когда вещь в себе у Маймона объявлялась

мнимой величиной) уже у Шопенгауэра обернулась возвращением положительного смысла вещи в себе как воли, скрытой за маской, в которой проходят перед нами вещи мира⁶.

Понятие плазмы интересно тем, что может помочь реконструировать аналогичный механизм, определяющий правила взаимного перехода между сетевыми и объектно-ориентированными онтологиями, их подвижные границы и возможные смещения в сторону друг друга. Онтология Хармана, требующая существования скрытых и изъятых из всех отношений объектов, — ответ на ориентированную на отношения сетевую теорию. Однако объектно-ориентированная философия сталкивается с трудностями, которые связаны с замкнутостью и изолированностью объектов друг от друга, — трудностями, которых еще (или уже) нет в сетевой теории. Можно сказать, что проблема, которую пытается разрешить Харман, является следствием *определенного* решения той проблемы, которую пытается разрешить Латур. В конечном счете и первая, и вторая — две стороны более общей проблемы объектов и отношений. «Плазма», которая напоминает своей двусмысленностью о вещи в себе, вновь возникшей, но уже в новых декорациях (с объектами и отношениями вместо традиционных «в себе» и «для нас»), должна быть рассмотрена в этой статье как один из возможных подступов к решению данной проблемы.

2. Плазма-в-себе как онтологический остаток

Латур вводит понятие плазмы в эссе «Париж: невидимый город» (1998), а затем использует его в книге «Пересборка социального» (2005)⁷. Плазма у Латура занимает место пустоты, зиявшей между прореженными нитями сетей в его ранних работах⁸. Она обозначает обширные районы и территории, которые пролегают между хрупкими и гетерогенными нитями сетей.

6. Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Дмитрий Сечин, 2011. Т. 2. С. 160.

7. См.: Latour B., Hermant E. Paris: Invisible City / L. Carey-Libbrecht (trans.). Virtual Book, 2006. URL: http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/downloads/viii_paris-city-gb.pdf; Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской, под ред. С. Гавриленко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 332–339.

8. Напр.: «Будучи развернутой или сложенной, сеть тем не менее остается локальной, зависящей от обстоятельств, тонкой и непрочной, с пустыми ячейками» (Он же. Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета, 2015. С. 234).

Речь еще не идет об особой субстанции, изъятой из сетей и обладающей автономной от них реальностью. Латур делает акцент на негативном, говоря по аналогии с вещью в себе, смысле плазмы. Плазма — «то, что еще не отформатировано, не изменено, еще не вовлечено в метрологические цепи и еще не покрыто, описано, мобилизовано или субъектифицировано»⁹. Сказать, что плазма бесформенна, было бы здесь слишком сильным, онтологическим утверждением; она просто не оформлена надлежащим образом для того, чтобы циркулировать в сети¹⁰. Кроме того, плазма — не «нечто скрытое позади»; она — не позади и не скрыта.

Оно находится в *промежутках* [между ячейками сети. — Д. В.] и не состоит из социального вещества. Оно не скрыто, оно просто *неизвестно*. Оно напоминает обширную прилегающую территорию, дающую ресурсы для выполнения каждого единичного действия, — как сельская местность для городского жителя, как недостающая масса для космолога, пытающегося математически уравнять вес вселенной¹¹.

Но обращает на себя внимание то, что пытаюсь, показать истинные масштабы подразумеваемого плазмой, Латур прибегает к космологическим метафорам. Разница между плазмой неоформленной реальности и сетью акторов действительно астрономическая. Она настолько огромна, что наше «астрономическое невежество» оказывается достаточным основанием для объяснения внезапных изменений, происходящих в обществе. Тонкая грань между негативным смыслом ноумена (когда X, неизвестное, существует ли оно или нет, не принадлежит возможному опыту трансцендентального субъекта/отношению с сетью именно потому, что, будучи не-опытом/не-отношением, оно не может быть в опыте/отношении) и его позитивным смыслом, предполагающим онтологизацию не-опыта/не-отношения, размывается. Такая тенденция в описаниях плазмы, по-видимому, заставляет Хармана считать, что она «одно из самых метафизических понятий во всех трудах Латура»¹².

9. Ibid. P. 244.

10. На семинаре в Лондонской школе экономики Латур высказывается еще более осторожно: «Она [плазма] не то, что не отформатировано... она то, что между форматированным» (*Latour B. et al. The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE. Alresford, UK: Zero Books, 2011. P. 84*).

11. Латур Б. Пересборка социального. С. 336–337.

12. См. запись в блоге Хармана: *Latour's plasma* // Object-Oriented Philosophy. 4.07.2012. URL: <http://doctorzamalek2.wordpress.com/2012/07/04/latours-plasma/>.

Можно сказать, Латуру не до конца удается избежать «онтологических» остатков. Зачастую они связаны с тем, что неизвестное, взятое как еще не отформатированное сетью, наделяется у него свойствами положительной и автономной реальности: например, оно способно поддерживать существование и циркуляцию в сети.

...должна возникнуть такая социология, противоположные интуиции которой следовало бы поддерживать: и жесткая, и мягкая одновременно. Мы должны быть в состоянии рассматривать и огромную инертность социальных структур, и невероятную текучесть, на которой держится их существование: последняя и есть подлинная среда, позволяющая первым циркулировать¹³.

Однако у него прослеживается намерение представить плазму именно в негативном смысле, исходя из эпистемологического полюса «вещи в себе». Это видно по его работам «Париж: невидимый город» и «Пересборка социального»; об этом он говорит на семинаре в Лондонской школе экономики, где, в частности, указывает Харману на то, что тот метафизически трактует положения сетевой теории, которые применимы только к определенным эмпирическим ситуациям. Например, вопрос о существовании/несуществовании микроба до его обнаружения Пастером имеет смысл только в контексте появления микроба в качестве действительного актора научной сети. Вне этого контекста сам вопрос лишен всякого смысла с точки зрения сетевой теории. Последняя — скорее, набор методологических предписаний, которые задают определенный подход к эмпирическому материалу, но сами по себе они не выражают никакой метафизической истины.

Все же стоит согласиться с Харманом: если нечто имеет последствия для онтологии, то оно должно рассматриваться вместе с этими последствиями¹⁴. Тогда, если у Латура нет метафизики, сетевая теория может обладать ею, пусть и в скрытой форме. В этом случае, действительно, появляются определенные основания считать плазму «метафизическим понятием». В «Государе сетей» есть несколько мест, где Харман рассматривает положение плазмы в сетевой теории. Первое, что он делает, — это онтологизирует плазму и указывает на «метафизическое» употребление этого понятия у Латура. Согласно Харману, плазма появляется у Латура как ответ на неспособность сетевой теории объяснить, почему ак-

13. Латур Б. Пересборка социального. С. 338.

14. Latour B. et al. Op. cit. P. 43.

танты, полностью определенные отношениями в сети, подвержены изменениям. Бесформенная и лежащая вне отношений плазма должна играть роль резервуара, питающего рост и распространение сетей. Не являясь продуктом отношений, она позволяет изменениям *случаться* в отношениях, установленных между элементами сети.

В качестве типичного возражения Харману выдвигается то, что «плазма обозначает только нечто, выходящее за пределы отношений какой-либо определенной сети»¹⁵. Не сети вообще, а *определенной* сети. Тот факт, что под плазмой понимается нечто бесформенное с точки зрения одной сети, но оформленное с точки зрения другой, внезапно делает плазму «земной, скучной и обычной»¹⁶. Плазма оказывается своего рода вещью в себе по случаю: «Ноумены не навсегда безвозвратно „там“ — они могут быть зарегистрированы, формализованы и привнесены в „здесь“»¹⁷.

Однако этого возражения явно недостаточно для опровержения «онтологического» истолкования плазмы, данного Харманом. Более верно, чем у Хармана, подмечая способ задействия плазмы у Латура, оно отвечает на вопрос «как?», но не на вопрос «почему?» Неясно, почему вообще нужно было вводить плазму, если все, на что она призвана указать, — это самоочевидное для *common sense* отношение между «там» и «здесь», согласно которому «там» может быть перемещено в «здесь». Аргументация Хармана направлена как раз на прояснение «почему», ведь даже у Латура плазма — это не просто отношение там/здесь. Скорее, сам факт введения плазмы оборачивается у Латура указанием на объективные пределы той или иной сети (даже если эта сеть берется в строго латуровском смысле — как «прослеживание» сети действий¹⁸). Если это так, то уже обратное движение мысли (от пределов к плазме) делает эти пределы знаком чего-то большего — большего, чем любая возможная данность, ограничиваемая ими. Фиксация эпистемологического полюса должна, таким образом, постепенно вести к росту напряжения на другом полю-

15. См. запись в блоге *Circling Squares: Latour revisiting "Paris: Ville Invisible"* // *Circling Squares*. 2.07.2012. URL: <http://circlingsquares.blogspot.co.uk/2012/07/latour-revisiting-paris-ville-invisible.html>.

16. См. запись в блоге *Circling Squares: Harman on me on Harman on Latour on plasma* // *Circling Squares*. 4.07.2012. URL: <http://circlingsquares.blogspot.de/2012/07/harman-on-me-on-harman-on-latour-on.html>.

17. Latour revisiting "Paris: Ville Invisible".

18. «Сеть — понятие, а не вещь. Это инструмент, помогающий в описании, а не предмет описания» (*Латур Б. Пересборка социального*. С. 184).

се, которое рискует разрешиться в виде восстановления положительного смысла вещи в себе (например, в форме «метафизической» плазмы)

Слабая сторона «Несводимостей» (философской части «Пастеризации Франции») Латура — актуализм¹⁹, то есть доктрина, предполагающая, что только актуальное реально²⁰. Актуальное — фактически данное: только то, что дано через свое отношение к чему-то, реально существует. Этот эмпиристский тезис на языке сетевой теории означает: реально лишь то, что трансформируется, модифицируется и переводится, то есть пребывает в производстве/установлении отношений. Напротив, как нет ничего, что скрыто или находится позади данности, так и нет ничего потенциального. Тут есть нюанс, который важен для понимания различия между позициями Латура и Хармана. Для Хармана тоже нет ничего потенциального: даже скрытые и изъятые из всех отношений объекты не распылены в потенциальности, а существуют наряду со своими данностями. Как подчеркивает Леви Брайант, в этом смысле Харман актуалист²¹. Но в другом смысле — там, где речь идет о признании самого факта существования изъятых из отношений объектов, — Харман выступает против актуализма, точнее говоря, он отстаивает свою специфическую версию последнего — нереляционный актуализм²². Если нечто не дано или даже никогда не может быть дано, то это еще не означает, что оно не обладает актуальным бытием; достаточно лишь того, чтобы оно было индивидуализировано. Траектория, по которой далее движется мысль, была прочерчена уже у Шопенгауэра:

Если бытие объекта состоит в его действии, то это значит, что оно состоит лишь в изменениях, которые оно вызывает в других, и, следовательно, само по себе есть ничто²³.

Но если бытие объекта само по себе ничто, то что вызывает изменения? Следовательно, элементы сети не могут сводиться только

19. О чем сам Латур говорит, напр., в: *Latour B. et al.* Op. cit. P. 48.

20. *Bhaskar R.* A Realist Theory of Science. L.: Verso, 2008. P. 55.

21. См. запись в блоге Леви Брайанта: *Vitale on Relations//Larval Sub-jects*. 22.05.2010. URL: <http://larvalsubjects.wordpress.com/2010/05/22/vitale-on-relations/#more-3438>.

22. Подробнее об этом см., напр., ответ Хармана на критику, адресованную ему Стивеном Шавиро: *Harman G.* Response to Shaviro // *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Melbourne: re.press, 2011. P. 291–304.

23. *Шопенгауэр А.* Указ. соч. С. 159.

к процессам трансформации и перевода внутри сети, то есть к изменениям, а должны обладать неким «в себе» как источником или «субстанцией» изменений. Но у актантов, целиком определяемых операциями в сети, никакого индивидуализированного «в себе» быть не может. Единственное, откуда оно может прибыть, — это извне как предындивидуальное бесформенное целое, некий резерв или резервуар, из которого сети заимствуют материал для своего последующего отстраивания. Цитируя Латура, Харман пытается представить плазму как лишенную формы и изъятую из отношений реальность, являющую «обширный океан неуверенности», который служит материалом для «нескольких островков откалиброванных и устойчивых форм»²⁴, а значит, производства в сетях изменений. Плазма — их «субстанция».

Доказательство бытия плазмы, предложенное Харманом, построено на выяснении пределов АСТ. Главное ограничение АСТ, как полагает Харман, — реляционный актуализм, который не оставляет места для изменений, а потому нуждается для их объяснения в плазме, полностью изъятой из сети отношений. Но, отвечая на вопрос «почему?», Харман — в противоположность своему оппоненту — не отвечает на вопрос «как?»²⁵ Он ничего не говорит о том, как в действительности Латур применяет плазму в сетевой теории. Пренебрегая этим эмпирическим аспектом АСТ и вместе с тем предельно заостряя ее «метафизические» следствия, Харман приходит к довольно необычному положению, согласно которому нечто изъятое из всех отношений в силу одного лишь факта своей изъятости наделяется какой-либо положительной реальностью²⁶: например, оно может поставлять ма-

24. Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: ge.press & Graham Harman, 2009. P. 133 (см. перевод фрагмента в: Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика // Логос. 2014. № 4 (100). С. 229–248).

25. Показательно, что в объяснении плазмы Брайант осторожнее Хармана. Он также утверждает, что Латур прибегает к этому понятию, чтобы ввести в мир сетей недостающие массы, которые служили бы основанием для изменений. Но, в отличие от Хармана, Брайант не склонен связывать введение понятия плазмы исключительно с необходимостью обоснования изменений. Скорее, он предпочитает говорить о плазме как симптоме, указывающем на проблемы сетевых теорий: «Мы должны рассматривать введение плазмы Латуром не как решение проблемы изменения, но как симптом проблемы с его онтологией. И проблема заключается здесь в его предположении, что бытие состоит только из отношений» (Vitale on Relations).

26. Обычно Харман говорит о «неисчерпаемом» (*inexhaustible*).

териал для изменений, а если сформулировать это в более сильной форме, то и производить их.

Таким образом, плазма Латура допускает две точки зрения на саму себя. Но объяснение ее исходя лишь из эпистемологического полюса оказывается в конечном счете недостаточным. Если плазма, как это в реальности имеет место у Латура, указывает на объективные пределы «опыта» сетей, то такое объяснение уже нуждается в дополнении «онтологической версией». Поэтому неизбежно появление второй точки зрения, как бы незаконно-рожденной для Латура. Для Хармана и его объектно-ориентированной философии (как формы нереляционного актуализма) истина латуровской плазмы — вытесненное «в себе» сетевой теории, взятое как онтологический остаток, внеположный отношениям. Этот остаток — то, что не могло быть присвоено реляционным актуализмом, когда последний, если отбросить эмпирический контекст и всерьез обратиться к метафизическим последствиям, стал у Латура своего рода *онтологизированной эпистемологией* сетей: отношения у Латура существуют, *как если бы* они были объектами, обуславливая слабость или силу несводимых друг к другу актантов, но остаются все же только отношениями, нуждающимися в материале для своего отстраивания. Короче говоря, так понятая плазма указывает на некую возможную онтологию, которая остается после вычета онтологизированной эпистемологии Латура. Последняя должна быть дополнена и сбалансирована онтологическими остатками. Вопрос в том, насколько здесь вообще возможно равновесие, ведь механизм его установления изначально мог быть неисправным. Тогда есть риск, что хармановская интерпретация будет уже не недостаточной, а, напротив, избыточной. Это легко проверить. Все указывает на то, что ретроспективно плазма-в-себе как онтологический остаток сетевой теории могла бы объяснять переход к объектно-ориентированной философии, в которой проблема отношений, всегда недостаточных для обоснования изменений, уступает место проблеме взаимодействия отрезанных друг от друга объектов.

3. Плазма-для-нас как эпистемологический остаток

Если Харман усмотрел в плазме нечто изъятое и неисчерпаемое, то стоит предположить, что, будучи не удовлетворен «бесформенной» плазмой, он видит возможным ее дробление на объекты и получение таким образом множества сущностей-в-себе, каждая из которых изъята и оттого уже неисчерпаема:

...нет никакого серьезного основания соглашаться с Латуром, что плазма бесформенна, так как это подразумевало бы, что форма всегда прибывает из отношений. Плазма могла бы получить форму иными средствами... хотя он никогда не рассматривал такой возможности. Форматирование и сети всегда рассматриваются им как одно и то же, и в лучшем случае Латур признает существование плазмы-в-себе, но не множество отдельных сущностей, изъятых из всех отношений²⁷.

В ретроспективе этим и показывается, как сетевая теория может быть трансформирована в объектно-ориентированную философию: размытый и неопределенный — в оптике сетевой теории — онтологический полюс «вещи в себе», первоначально фиксируемый Харманом лишь как некое предындивидуальное бытие, для объектно-ориентированного взгляда уже предстает в виде множества конкретных и определенных, но изъятых объектов. Как пишет один из комментаторов Хармана, «при размещении плазмы внутри реальных объектов последние получают бесконечный резерв, который позволяет любому и каждому реальному объекту быть отличным от того, что он есть»²⁸. Здесь, правда, есть нюанс. Леви Брайант возражает: Харман «точно не размещает плазму внутри объектов, поскольку объекты всегда имеют форму, у них всегда есть структура, а плазма полностью лишена формы»²⁹.

Дело в том, что до «Государя сетей» Харман неоднократно использовал понятие плазмы, но в другом значении, частично заимствованном у Ортеги-и-Гассета³⁰. В «Государе сетей» без какого-либо разъяснения используются оба значения плазмы, что создает определенную путаницу³¹. Во втором значении плазма обозначает

27. Harman G. Prince of Networks. P. 134.

28. См. запись в блоге *networkologies*: Response to Levi: On Politics, Plasma, Internal Relationism, and Networkologies // *networkologies*. 21.05.2010. URL: <http://networkologies.wordpress.com/2010/05/21/response-to-levi-on-politics-plasma-internal-relationism-and-networkologies/>.

29. См.: Vitale on Relations.

30. См.: Harman G. *Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things*. Chicago; La Salle, IL: Open Court, 2005. P. 106–110.

31. Например, автор блога *networkologies* — для подтверждения своего тезиса об интериоризации Харманом латуровской плазмы — ссылается на следующее место из «Государя сетей»: «Мир должен быть заполнен не-объектным газом или плазмой, в которой прямой контакт возможен. Эта плазма находится в интерьере самих объектов» (*Idem*. Prince of Networks. P. 147). Но как раз в этом случае Харман говорит не о латуровской плазме, а о собственной.

внутреннюю сторону, или *интерьер*, объекта, являющуюся у Хармана своего рода эмуляцией, в рамках которой два *реальных объекта* могут образовать третий объект через механизм так называемой *замещающей причинности* (*vicarious causation*)³². Этот механизм можно представить следующим образом. Для того чтобы новый объект возник, между двумя объектами должна возникнуть *связь*³³ как совершенно особый случай *отношения*. Ее условием является то, что два реальных объекта могут быть скоординированы друг относительно друга без какого-либо вступления в контакт, но в результате возникновения особого чувственного, или внутреннего, пространства, соотносимого с одним из них. В этом пространстве реальный объект, который *искренне* поглощен *чувственным объектом*, затем *как бы* увлекается отделившись от последнего, но в обычном состоянии сплавленными с ним *чувственными качествами* к стоящему уже за качествами другому реальному объекту³⁴. Все это происходит лишь в рамках чувственной эмуляции, в которую оказался вовлечен первый объект. Когда же этому реальному объекту — путем существенной

32. В отличие от остальных девяти типов отношений внутри четвероякой объектной структуры, контакт между реальным объектом и другим реальным объектом в силу абсолютности их изъятости не будет «ни прямым контактом, ни опосредованным. Он просто никогда не происходит, и это основная причина того, почему требуется замещающая причинность» (Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. С. 134).
33. «Когда два объекта позволяют возникнуть новому объекту благодаря замещающей связи, они создают новое объединенное целое, не только неисчерпаемое извне, но также заполненное изнутри реальным объектом, который искренне поглощен чувственно воспринимаемыми объектами. И так же как всякая связь — объект, всякий объект — результат связи. История этой связи остается записанной в ее сердцевине, где ее компоненты заперты в калейдоскопичном поединке. Но связи возникают только между двумя реальными объектами, не в какой-либо другой комбинации» (Он же. О замещающей причинности // Новое литературное обозрение. 2012. № 2 (114). С. 84).
34. Аллюр так описывается Харманом: «...чувственные качества оказываются отделенными от их текущего чувственного властелина и появляются на орбите изъятости реального объекта — невидимого солнца, управляющего ими по своей воле. Сама „невидимость“ этого объекта делает невозможным часто происходящее в скучном повседневном опыте сжатие объекта вместе с его чувственными качествами в неразличимую смесь. <...> Вместо прямого контакта, который мы имеем с чувственными объектами, существует аллюзия на тихий объект в глубинах, который оказывается смутно сплавлен с легионом его чувственных качеств» (Он же. Четвероякий объект. С. 104–105).

рекомпозиции чувственных образов, возникающих внутри эмуляции, — удастся «прорвать» (при посредстве *аллюра*) их цветной туман³⁵, обволакивающий второй реальный объект, возникшая между ними связь делает это внутреннее пространство, теперь затопляемое новыми материями, внутренним пространством новообразовавшегося объекта, в котором и устанавливают (поскольку отношения мира всегда «разворачиваются на интересах объектов»³⁶) связь два предшествовавших ему объекта. Тем самым два реальных объекта, оказавшись скоординированными в новый реальный объект, внутреннее пространство которого является *расплавленным ядром (molten core)*, где «одна из его реальных частей противостоит чувственному изображению другой части»³⁷, соприкасаются, не соприкасаясь. Поэтому можно сказать, что расплавленное ядро — это внутренняя форма, в которой при посредстве замещающей причинности оказываются скоординированы два реальных объекта, чтобы образовать третий. Каждый новый объект поэтому обладает своим уникальным ядром, находящимся к нему в отношении взаимно однозначного соответствия. Материю таких расплавленных ядер или интерьеров и составляет плазма Хармана³⁸, которая всегда уже определенным образом оформлена и индивидуализирована, что означает: каждый объект обладает своей плазмой.

Поэтому Брайант прав: поскольку плазма Латура берется Харманом как нечто бесформенное, ей нет места в теории объектов, но в этой теории есть место для другой плазмы — предполагающей форму и определенной, которая существует в расплавленном ядре объекта. Плазма Латура — изъятая из отношений и бесформенная, плазма Хармана — скорее, наличная (правда, не совсем обычным образом: ситуация искренности при восприятии чувственного объекта реальным объектом всегда уникальна, а потому плазма недоступна постороннему взгляду³⁹) и формообразующая. Но проблема как раз в том, что даже если принять во внимание ретроспективный взгляд на плазму, согласно которому объекты могли бы быть результатом дробления плазмы Латура на множе-

35. *Он же*. О замещающей причинности. С. 86.

36. Harman G. *Guerrilla Metaphysics*. P. 231.

37. *Idem*. *Prince of Networks*. P. 215.

38. Описывая процесс медиации, Харман сравнивает среду, в которой встречаются два объекта, с «расплавленной плазмой в пламенеющих центральных ядрах вещей» (*Idem*. *Guerrilla Metaphysics*. P. 95).

39. «Нет никакого другого свидетеля искренности» (*Харман Г.* Четвероякий объект. P. 134).

ство изъятых, но имеющих форму сущностей, — что вполне закономерно, ведь сам Харман говорит о возможности превращения (но, что принципиально, не размещения *внутри*) бесформенной плазмы в объекты, — то вторая плазма, ошибочно принятая за онтологически истолкованную и помещенную внутрь объектов первую, все же не будет поколеблена в своих правах. Что она собой представляет, можно понять, рассмотрев структуру изъятости.

Для Хармана изъятость — онтологическая характеристика объекта. Объект изъят не относительно какого-либо другого объекта; он изъят вообще, пребывая «в-себе» и будучи окружен своего рода пустотой или вакуумом⁴⁰ как отсутствием отношений с другими объектами. В силу одного этого он способен вызывать изменения⁴¹, а изъятость тождественна продуктивности, позволяющей производить изменения и новое в различных объектных констелляциях. Но вместе с тем любой объект всегда изъят как *определенный* объект и изъятость — всегда изъятость «этого», конкретного объекта, а не та, в которой могут «потонуть» все объекты, чтобы затем, выныривая на поверхность, вновь играть множественностью своих свойств. Последнее представляет собой форму минизма, что само по себе недопустимо для Хармана. Поэтому в отсутствие отношений объекты должны каким-то образом различаться. Для этого, в противоположность Брайанту, Харман, ссылаясь на Лейбница, отстаивает наличие у объектов реальных качеств:

Лейбниц был прав, когда указывал на следующий парадокс: быть — означает быть *одним*, так как реальный объект должен быть единым; однако простая единица была бы взаимозаменяема любой другой, и поэтому никакие две монады не могли бы отличаться друг от друга. Таким образом, у каждого реального объекта должно существовать множество *реальных черт*⁴².

Чтобы не проваливаться в изъятость, прячущиеся в глубинах подземного бытия реальные объекты должны обладать реальными качествами. Правда, в другом аспекте эти же качества оказыва-

40. Harman G. Guerrilla Metaphysics. P. 231.

41. Джей Фостер в статье «Онтология без метафизики: Латур, Харман и философия вещей» (Foster J. Op. cit.) обращает внимание, что Харман не возражает против замечания Латура по поводу объектов: объекты взаимодействуют между собой и производят новые объекты именно потому, что полностью изъяты из отношений друг с другом. См.: Latour B. et al. Op. cit. P. 62.

42. Харман Г. Четвероякий объект. С. 106.

ются спрессованными в одно целое с чувственным объектом⁴³, но так, что «полностью никогда не присутствуют» и опознаются «по смутному и единому эффекту», который на нас оказывает чувственный объект. Напряжение между последним и реальными качествами задает эйдос объекта, необходимый чувственному объекту для того, чтобы «он был признан тем, что он есть»⁴⁴. Так что так же, как реальные объекты нуждаются в реальных качествах, в них нуждаются чувственные объекты — и по той же причине: быть тем, что они есть.

Эта двойственность реальных качеств⁴⁵ еще не составляет проблемы. И хотя, согласно Харману, объект и его реальные качества одинаково изъяты⁴⁶, все же — и это отличает объект от монады — «у объекта нет своих собственных *существенных особенностей*», поскольку «у реального объекта и его реальных качеств нет предсуществующей связи»⁴⁷. В обычном состоянии реальные качества объекта отделены от него (исключение составляет ситуация *причинности*, когда объект сплавлен со своими качествами, на время образуя *сущность* [essence]) и, вероятно, поэтому могут странным образом присутствовать в чувственном объекте. Важно здесь то, откуда вообще берется качественная определенность объекта, изъятого и неисчерпаемого. Она не может прийти ни со стороны изъятости, ни со стороны неисчерпаемости, ведь требуется показать, почему изъятый и неисчерпаемый объект обладает качественной определенностью. В этом смысле изъятость будет глубже любой определенности, а неисчерпаемость — больше. Есть соблазн ответить: «из отношений», но это лишь сместит проблему, поскольку ни изъятость, ни неисчерпаемость, очевидно, не нуждаются в отношениях — в них могут вступать только уже качественно определенные объекты. Не снятым останется вопрос, почему отношения между объектами, вернее (раз речь идет о реальных объектах, между которыми отношения *вообще* невозможны, — *no relation at all*), их эмуляция посредством заме-

43. Там же. С. 130.

44. Там же. С. 105.

45. Еще в одном месте «Четверякогого объекта» Харман говорит о реальных качествах: «В одном определенном смысле все они принадлежат одному реальному объекту. Но в то же время множество реальных качеств принадлежат чувственному молотку, собаке или дереву в виде компонента его эйдоса» (Там же. Р. 77).

46. О чем Харман говорил, в частности, в своей лекции, прочитанной в июне 2012 года в Перми, отметив, что бытие объекта «глубже любых изменений на поверхности, но не глубже, чем его *реальные* качества».

47. Там же. С. 106.

щающей причинности *вообще* возможна. «Замещающая причинность, — пишет Харман, — возможна потому, что полнота реальности вещи изъята из мира»⁴⁸. Должна существовать среда, где прямой контакт возможен, где изъятость и неисчерпаемость объекта, его избыточность ослабляются и тем самым не препятствуют больше установлению связи с другими объектами. Эта среда и есть та плазма, что наполняет ядра объектов⁴⁹ и составляет их чувственное пространство, из которого отступила реальность, сведенная к карикатурам на саму себя⁵⁰.

Как и плазма Латура, плазма Хармана оказывается зоной своего рода динамической неразличимости объектов и отношений. Если определенность изъятых объектов может приходить лишь из плазмы, то конкретная форма этой определенности (почему речь идет именно об «этом» объекте, а не о каком-либо другом) — из характера отношений, что разыгрываются в плазме: как уже было показано, форма нового объекта задается характером координации его чувственных и реальных частей. Именно благодаря работе плазмы, ответственной за пронизывающую многочисленными чувственными и реальными слоями определенность, об объектах известно, что они составляют реальные единства, что эти единства отличаются друг от друга и что конкретное уникальное единство всегда стоит за своими многообразными проявлениями. Именно так дискретная и автономная форма, расположенная «только в глубинах, тогда как драматическая сила и взаимодействие плавают на поверхности»⁵¹, получает свою реальность от «поверхностных отношений»⁵². И все же плазму труд-

48. Harman G. *Guerrilla Metaphysics*. P. 222.

49. «И если мы спросим, где происходит замещающая причинность, ответом будет то, что она находится в интерьере другой сущности, в расплавленном ядре объекта» (Ibid. P. 230).

50. Несложно заметить смену перспективы, которая при этом происходит: мы смотрим теперь не на объекты со стороны отношений, которые никогда не исчерпывают реальность объекта, но на отношения, которых никогда не достигает изъятый и неисчерпаемый объект. Отношения в такой перспективе начинают вырисовываться как некая ускользающая сверхреальность объектов.

51. Харман Г. О замещающей причинности. С. 78.

52. Еще более определенно Харман говорит об этом в «Четверояком объекте»: «Реальное, скрытое и сущностное очень даже существуют, но сообщаются только посредством нереального, явного и несущественного» и «Реальный объект реален и имеет определенный характер, но его сущность (как *essence*, отношение между объектом и его собственными реальными качествами. — Д. В.) сначала была произведена извне через причинные взаимодействия» (Он же. Четвероякий объект. С. 108).

но назвать чем-то несущественным, размещенным во внутреннем пространстве существенного. Она не ограничивается эмулированием пространства для замещающих отношений, но принимает активное участие в формировании объектов, становясь их схемой и вариативной средой. Каковы тогда действительные определения и соотношения существенного и несущественного в объектах? Ориентация на изъятые объекты предполагает, что за любой данностью стоит нечто большее, чем она есть. Но чтобы «нечто большее» не растворялось «в себе» и как-то соотносилось через качественную определенность со своей данностью, оно нуждается в ограничении и фиксации границ. Однако фиксация онтологического полюса (объектов) не может не вести к росту напряжения на противоположном полюсе (отношениях), подготавливая их реванш.

Критикующие Хармана с позиций реляционных онтологий ошибаются, когда говорят, что отношения у него устраняются в пользу объектов⁵³. Проблема как раз в обратном: подспудно отношения играют слишком большую роль в объектно-ориентированной философии, критичную для того, чтобы она могла долго оставаться объектно-ориентированной, не вырождаясь во что-то иное. Необходимая для ограничения изъятости и неисчерпаемости объекта плазма у Хармана оказывается продуктивной силой, делающей объекты такими, какие они есть. Получается, что, когда собственных средств онтологического истолкования изъятости (а ретроспективно и плазмы Латура) оказывается недостаточно для того, чтобы продолжать движение в сторону онтологического полюса, дробя изъятость на множество изъятостей, Харман неявным образом использует эпистемологический полюс, вводя свою плазму. Нетрудно тогда понять, почему можно говорить, что «при размещении плазмы внутри реальных объектов последние получают бесконечный резерв». Эта ошибка объективна: продуктивность отношений, которой у Хармана, казалось бы, не должно быть, принимается за продуктивность объектов, которая только и должна быть; плазма Хармана — за раздробленную плазму Латура.

Значит, плазма Хармана, так же как и плазма Латура, предполагает две точки зрения на себя. Онтологическое объяснение плазмы, отождествляющее ее с продуктивностью изъятых

53. См., напр.: *Shaviro S. The Actual Volcano: Whitehead, Harman, and the Problem of Relations // The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. Melbourne: re.press, 2011. P. 279–291.*

объектов, лишь удваивает изъятость и неисчерпаемость последних, в то время как ее следует ограничить. Непонятно, зачем вводить плазму в теорию объектов, если не для того, чтобы сделать объекты качественно определенными, позволив им вступать во взаимодействия, а изменениям — случаться. Тогда истина хармановской плазмы заключена в переходе с онтологической точки зрения на эпистемологическую. Не являясь просто изнанкой изъятости, несущественным внутри существенного, она выходит за рамки *эпистемологизированной онтологии* Хармана, где объекты существуют, *как если бы* они были отношениями⁵⁴, и потому отношения к ним ничего не прибавляют. Так понятая плазма указывает на эпистемологию, которая остается после вычета эпистемологизированной онтологии Хармана. Последняя должна быть дополнена и сбалансирована эпистемологическими остатками: как только плазма оказывается пространством для установления замещающих отношений, в довесок она становится активной формирующей силой, не присваиваемой этой эпистемологизированной онтологией. Сами объекты вынуждены заимствовать «материал» отношений, которые тем самым приобретают реальность большую, чем это допустимо для отношений в пределах объектно-ориентированной философии. И тогда уже конкретная «этовость» того или иного изъятости объекта оказывается эффектом, производным от «субъективной убежденности» (искренности) другого объекта в том, что перед ним — за чувственным заместителем — скрывается именно «этот», а не иной объект. Такая «убежденность», в свою очередь, становится условием для возникновения нового объекта, о котором с точки зрения любого другого объекта также нельзя сказать (вне отношения искренности), действительно ли это тот самый объект и даже один-единственный ли это объект. И так далее *ad infinitum*. Плазма Хармана («для нас» объектно-ориентированной философии), таким образом, чревата эпистемологическим остатком, вложенным в саму сердцевину изъятых объектов и подтачивающим их индивидуальные изъятости тем, что он способен переопределить последние в терминах отношений и тем самым вывернуть в сферу наличности, лишив их собственной субстанциональности.

54. «Все отношения — объекты, а все объекты, в свою очередь, сформированы роящейся внутренней империей отношений» (*Harman G. Guerrilla Metaphysics*. P. 193).

4. Две плазмы, одна территория

Существуют две различные плазмы. Но если Латура вводит плазму, чтобы сбалансировать отношения, недостаточные (в силу отсутствия субстанции отношений) для обоснования изменений, то Харман — чтобы сбалансировать объекты, избыточные (в силу отсутствия отношений между субстанциями) для обоснования изменений. Истина каждой из плазм в том, чтобы быть зоной онто-эпистемической неразличимости, чреватой остатком, который в случае Латура не может быть присвоен отношениями, в случае Хармана — объектами, но на который либо первые, либо вторые отбрасывают свою тень, поэтому по инерции плазма Латура может трактоваться в терминах отношений, а плазма Хармана — в терминах объектов, их изъятости и неисчерпаемости. Таким образом, каждая из плазм, наследуя проблематике кантовской «вещи в себе», обладает двумя полюсами, двумя точками зрения на саму себя — онтологической и эпистемологической, которые почти магнетически связаны друг с другом. В зависимости от обстоятельств одна из двух противоположных точек зрения, имеющая вначале лишь прозрачное существование, может обнаружить себя в качестве «истины» другой: остановка на одном из полюсов, его фиксация автоматически инициирует движение в сторону противоположного полюса, который становится истиной данной плазмы, переопределяя ее в своих терминах. Так, эпистемологически истолкованная плазма Латура обнаруживает себя как онтологический остаток, а онтологически истолкованная плазма Хармана — как эпистемологический.

Это было представлено следующим образом. Эпистемологическое объяснение плазмы Латура, введенной им с целью обоснования изменений в сетях, оказалось недостаточным и привело к объяснению, исходящему из онтологического полюса, которое оказалось избыточным. Полученный при этом онтологический остаток, если ретроспективно поместить его в один ряд с изъятостью у Хармана, чтобы быть развернутым в объектно-ориентированную философию, также нуждался в балансировке, для чего и понадобилась хармановская плазма. Но ее онтологическое объяснение, будучи заведомо избыточным, требует объяснения исходя из эпистемологического полюса, вновь оборачивающегося недостаточностью: поскольку «этовость» объекта конфигурируется всецело в сфере наличных отношений, то никогда нельзя в точности сказать, о каком именно объекте в том или ином случае идет речь на самом деле (и идет ли вообще). Из этого следует, что обе плазмы обозначают одну и ту же территорию, правда рассматриваемую как будто с двух

различных точек зрения — «истин» той или другой плазмы, попеременно смещающих друг друга. Но ни одно из этих рассмотрений не попадает в свою цель. Невозможность достижения баланса между объектами и отношениями — результат этого непрекращающегося двойного промаха: пока «истина» плазмы не прояснена, то, что она призвана сбалансировать, представляется как нечто обладающее большей степенью реальности; как только «истина» проясняется и принимается — перевес возникает на другой стороне, и требуется новая балансировка. Причина этого в изначально произвольном распределении онтологических и эпистемологических характеристик, составляющем саму сердцевину основополагающих принципов Латура и Хармана — принципа несводимости, показывающего, что объекты проблематичны, и принципа замещающей причинности, показывающего, что отношения проблематичны.

Несмотря на свой реляционный актуализм, Латур часто настаивает на нерастворимости объектов в отношениях⁵⁵: поскольку любое нечто может быть данным, только будучи уже переведенным, никакой перевод не выражает его исчерпывающим образом. В «Государе сетей» Харман фиксирует эту антиномию латуровской метафизики, замечая, что она требует «отрезанных друг от друга», но при этом «абсолютно развернутых в их текущей действительности»⁵⁶ акторов. Такое положение дел целиком вытекает из принципа несводимости, утверждающего, что ничто *само по себе* не может быть ни редуцируемым, ни нередуцируемым⁵⁷. Можно представить механизм несводимости в эксплицитном виде. Ничто само по себе не может быть ни редуцируемым, ни нередуцируемым, следовательно, оно редуцируемо или нередуцируемо только в отношении к чему-либо. Но поскольку эта редуцируемость или нередуцируемость существует только по отношению к чему-то, постольку ее не существует самой по себе, а значит... Здесь возникает интересная развилка, нигде не проговариваемая у Латура и ведущая к двум противоположным, но равнодоказуемым следствиям: А) никак-

55. На семинаре в Лондонской школе экономики тезис Хармана о том, что в сетевой теории любая вещь — исключительно реляционная сущность, встречает возражение Латура: «...для меня именно в силу нередуцируемой сингулярности (которую вы иногда называете внутренним ядром объекта) эти объекты должны переводиться без какого-либо опустошения их ядра. Почему меня связывают с другой школой философии, которая редуцирует вещи к их отношениям, я не знаю» (*Latour B. et al. Op. cit. P. 43*).

56. *Harman G. Prince of Networks. P. 135.*

57. *Латур Б. Пастер. С. 220.*

го *самого по себе* никогда не существовало; В) *само по себе* всегда есть нечто большее, чем любая редуцируемость или нередуцируемость. Первое следствие требует «абсолютно развернутых в их текущей действительности» акторов. Второе — обеспечивает то, что ни одно отношение не может быть принято за нечто само по себе⁵⁸ и поэтому требует отрезанных и несводимых друг к другу акторов. Все это допускает произвольное использование двух следствий (А и В, эпистемологического и онтологического) принципа несводимости, в зависимости от параметров текущей задачи, но без учета возможных последствий самого выбора.

Если принцип несводимости Латура указывает на проблематичность объектов в АСТ, то основной принцип объектно-ориентированной философии делает то же самое для отношений. Когда плазма как среда эмуляции отношений, необходимая для замещающей причинности, устанавливает взаимно однозначное соответствие между качественной определенностью объекта (сущностью) и характером связи образующих его частей, изъятость оказывается зажата в пространстве между частями, из которых образован объект и к которым он не сводится, и собственной реальностью объекта, не исчерпывающейся его внешними проявлениями⁵⁹. Но если учесть, что все объекты должны быть одинаково изъяты (хотя в каждом отдельном случае изъят конкретный объект) из отношений, возникает следующая антиномия: А') изъятость объектов, детерминированная плазмой и разыгрывающимися в ней отношениями, сама по себе оказывается абсолютно пустой и непродуктивной; В') изъятость лишь по одному факту изъятости наделяет объект исключительными свойствами. Но тогда все объекты снова проваливаются в изъятость (свойства объекта, привнесенные извне, как бы перерабатываются изъятостью в виртуальное сосуществование, которое затем снова может быть актуализировано), и мы получаем странный вариант монизма, возвращающий нас назад к онтологически истолкованной плазме Латура. Так же как и в случае с принципом несводимости, здесь становится возможным произвольное использование двух следствий А' и В' в зависимости от требований

58. Ibidem. См. пункты 1.1.14 и 1.2.1.

59. «Недостаточно мыслить объект как существующий в двух формах: сначала как сам по себе, а затем как он проявляется во всяком отношении. На самом деле объект — это огражденный остров, который отличен от отношений в обоих направлениях. Как молоток изымает себя из любого определенного контакта, который люди или другие сущности могли бы с ним иметь, так же молоток возникает из компонентов, его образующих» (Харман Г. Четвероякий объект. С. 113).

момента. Существенные для тех или иных объектов отношения (составляющие саму их суть) могут приписываться изъятости уже в силу того, что все отношения несущественны. А несущественные свойства самих объектов (делающие, например, объект совершенно и объективно неинтересным⁶⁰) — исключительно текущим отношениям, в то время как объект все еще может скрываться в подземных глубинах своей многозначительности.

Оба принципа демонстрируют нечувствительность к реальному распределению онтологического и эпистемологического, объектов и отношений. Метафизика Латура нуждается в постоянно поддерживаемой зоне неразличимости между онтологическим и эпистемологическим в пределах онтологизированной эпистемологии сетей. Следовательно, эпистемологическое покрывает здесь и онтологическое, и эпистемологическое, вынуждая онтологическое действовать подспудно. Схожим образом объектно-ориентированная философия Хармана задействует ту же зону неразличимости, но в рамках эпистемологизированной онтологии объектов. Теперь доминирование онтологического — в форме изъятых и неисчерпаемых объектов — вынуждает эпистемологическое действовать подспудно.

Каждая из плазм возникает как реакция на проблему распределения этих основных характеристик. Существенные для АСТ отношения поддерживаются за счет несущественных для нее объектов, сплавленных в бесформенное целое, которое позволяет случаться изменениям в сетях, а новым отношениям — устанавливаться. Напротив, несущественные в объектно-ориентированной философии отношения, случающиеся в расплавленных ядрах, формируют существенные объекты, изъятые и неисчерпаемые. Плазма — имя огромной неконтролируемой территории, где онтологическое может контрабандой ввозиться как эпистемологическое, а эпистемологическое — как онтологическое. Но следовало бы перейти к более справедливому и прозрачному принципу распределения, где наряду с объектами и отношениями существуют такие отношения, которые существеннее *определенных* объектов, и такие объекты, которые существеннее *определенных* отношений. Что стало бы «атомами» этого нового «мира», то могло бы занять территорию вещей в себе.

60. Здесь можно задуматься о частичной правоте Хайдеггера в том месте, где Харман пишет, что тот движется «к необоснованному использованию вещи и объекта как терминов для подразделения сущностей на хорошие и плохие. Например, если чаша — вещь, пластиковая чашка — просто объект» (*Harman G. Dwelling With the Fourfold // Space and Culture. 2009. Vol. 12. № 3. P. 294*).

Библиография

- Bhaskar R. A Realist Theory of Science. L.: Verso, 2008.
- Bryant L. Vitale on Relations // Larval Subjects. 22.05.2010. URL: <http://larvalsubjects.wordpress.com/2010/05/22/vitale-on-relations/#more-3438>.
- Conway P. Harman on me on Harman on Latour on plasma // Circling Squares. 04.07.2012. URL: <http://circlingsquares.blogspot.de/2012/07/harman-on-me-on-harman-on-latour-on.html>.
- Conway P. Latour revisiting "Paris: Ville Invisible" // Circling Squares. 02.07.2012. URL: <http://circlingsquares.blogspot.co.uk/2012/07/latour-revisiting-paris-ville-invisible.html>.
- Foster J. Ontologies Without Metaphysics: Latour, Harman and the Philosophy of Things // *Analecta Hermeneutica*. 2011. Vol. 3. URL: <http://journals.library.mun.ca/ojs/index.php/analecta/issue/view/33/showToc>.
- Harman G. Dwelling With the Fourfold // *Space and Culture*. 2009. Vol. 12. № 3. P. 292–302.
- Harman G. *Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things*. Chicago; La Salle, IL: Open Court, 2005.
- Harman G. Latour's plasma // *Object-Oriented Philosophy*. 04.07.2012. URL: <http://doctorzamalek2.wordpress.com/2012/07/04/latours-plasma/>.
- Harman G. *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne: re.press & Graham Harman, 2009.
- Harman G. Response to Shaviro // *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Melbourne: re.press, 2011. P. 291–304.
- Latour B., Harman G., Erdelyi P. *The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE*. Alresford, UK: Zero Books, 2011.
- Latour B., Hermant E. *Paris: Invisible City*. Virtual Book, 2006. URL: http://bruno-latour.fr/sites/default/files/downloads/viii_paris-city-gb.pdf.
- Shaviro S. *The Actual Volcano: Whitehead, Harman, and the Problem of Relations* // *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Melbourne: re.press, 2011. P. 279–291.
- Vitale C. Response to Levi: On Politics, Plasma, Internal Relationism, and Networkologies // *networkologies*. 21.05.2010. URL: <http://networkologies.wordpress.com/2010/05/21/response-to-levi-on-politics-plasma-internal-relationism-and-networkologies/>.
- Кант И. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1964.
- Латур Б. *Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии*. СПб.: Издательство Европейского университета, 2006.
- Латур Б. *Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого»*. СПб.: Издательство Европейского университета, 2015.
- Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Харман Г. *Государь сетей: Бруно Латур и метафизика* // *Логос*. 2014. № 4 (100). С. 229–248.
- Харман Г. *О замещающей причинности* // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 2 (114). С. 75–90.
- Харман Г. *Четвероякий объект*. Пермь: Гиле Пресс, 2015.
- Шопенгауэр А. *Собр. соч.: В 6 т. М.: Дмитрий Сечин, 2011.*

“PLASMA IN ITSELF”: BETWEEN ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

DMITRY VYATKIN. Independent researcher, publisher, hylepress@gmail.com.
Hyle Press, 87 Petropavlovskaya str., apt 216, Perm 614000, Russia.

Keywords: Graham Harman; Bruno Latour; plasma; objects; relations; actualism; ontological residues; epistemological residues.

This article, based on texts and discussions concerning works of Bruno Latour and Graham Harman, examines the link between the problem of relations, which are never sufficient for changes to be made, and the problem of objects, which are always excessive for changes to be made. Both Latour and Harman solve these problems in their own ways; however, their solutions produce some byproducts in the form of special residues that cannot be fully assigned by their theories; both the authors name them “plasma.” This study focuses on clarifying the dynamics of such ontological and epistemological residues.

It should be noted that based on these dynamics, Harman’s object-oriented philosophy, as well as Latour’s actor-network theory, turn out to be insensitive to the actual distribution of objects and relations, and this fact is proven by the introduction of plasma as an epistemological residue, which called to balance the redundancy of objects in Harman’s theory of objects (whereas in the actor-network theory of Latour, plasma acts as an ontological balance, balancing the lack of relationship). But such balancing in fact turns into a new imbalance. The problem then is that behind the facade of “smoothly” functioning object (Harman) and relational (Latour) machines there’s hidden a “shadow economy” providing their smooth operation by illegal sublimation of objects to relationships, and relationships — into objects. It is therefore required to move on to a more transparent and equitable distribution principle to consider (along with objects and relations) relations which are more essential than certain objects, and objects which are more essential than certain relations.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-3-57-80

References

- Bhaskar R. *A Realist Theory of Science*, London, Verso, 2008.
- Bryant L. Vitale on Relations. *Larval Subjects*. May 22, 2010. Available at: <http://larvalsubjects.wordpress.com/2010/05/22/vitale-on-relations/#more-3438>.
- Conway P. Harman on me on Harman on Latour on plasma. *Circling Squares*, July 4, 2012. Available at: <http://circlingsquares.blogspot.de/2012/07/harman-on-me-on-harman-on-latour-on.html>.
- Conway P. Latour revisiting “Paris: Ville Invisible.” *Circling Squares*, July 2, 2012. Available at: <http://circlingsquares.blogspot.co.uk/2012/07/latour-revisiting-paris-ville-invisible.html>.
- Foster J. Ontologies Without Metaphysics: Latour, Harman and the Philosophy of Things. *Analecta Hermeneutica*, 2011, vol. 3. Available at: <http://journals.library.mun.ca/ojs/index.php/analecta/issue/view/33/showToc>.
- Harman G. *Chetveroikii ob’ekt* [The Quadruple Object], Perm, Hyle Press, 2015.
- Harman G. Dwelling With the Fourfold. *Space and Culture*, 2009, vol. 12, no. 3, pp. 292–302.

- Harman G. Gosudar' setei: Bruno Latour i metafizika [Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics]. *Logos. Filozofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2014, no. 4 (100), pp. 229–248.
- Harman G. *Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things*, Chicago, La Salle, IL, Open Court, 2005.
- Harman G. Latour's plasma. *Object-Oriented Philosophy*, July 4, 2012. Available at: <http://doctorzamalek2.wordpress.com/2012/07/04/latours-plasma/>.
- Harman G. O zameshchaiushchei prichinnosti [On Vicarious Causality]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2012, no. 114, pp. 75–90.
- Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: re.press & Graham Harman, 2009.
- Harman G. Response to Shaviro. *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism* (eds L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman), Melbourne, re.press, 2011, pp. 291–304.
- Kant I. *Soch.: V 6 t.* [Works: In 6 vols], Moscow, Mysl', 1964.
- Latour B. *Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoi antropologii* [Nous n'avons jamais été modernes: essai d'anthropologie symétrique], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2006.
- Latour B. *Paster: voina i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo"* [Pasteur: Guerre et paix des microbes, suivi de "Irréductions"], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2015.
- Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014.
- Latour B., Harman G., Erdelyi P. *The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE*, Alresford, UK, Zero Books, 2011.
- Latour B., Hermant E. Paris: Invisible City. Virtual Book, 2006. Available at: http://bruno-latour.fr/sites/default/files/downloads/viii_paris-city-gb.pdf.
- Schopenhauer A. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected Works: In 6 vols], Moscow, Dmitrii Sechin, 2011.
- Shaviro S. The Actual Volcano: Whitehead, Harman, and the Problem of Relations. *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism* (eds L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman), Melbourne, re.press, 2011, pp. 279–291.
- Vitale C. Response to Levi: On Politics, Plasma, Internal Relationism, and Networkologies. *networkologies*, May 21, 2010. Available at: <http://networkologies.wordpress.com/2010/05/21/response-to-levi-on-politics-plasma-internal-relationism-and-networkologies/>.